

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-406-423

EDN: GBGUYS

Научная статья

Заемствованная лексика как фрагмент русской языковой картины мира в аспекте лингвокультурологического описания

Л. Мэн¹, А.В. Курьянович^{2,3}✉, Ж. Цао³¹Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китайская Народная Республика²Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация³Цзилиньский университет иностранных языков, Чанчунь, Китайская Народная Республика

✉ kurjanovich.anna@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения современной русской языковой картины мира, в том числе посредством рассмотрения заимствованных лексических единиц, которые эксплицируют присутствующие в сознании носителей русского языка концептуальные смыслы сквозь призму восприятия ими собственной национальной культуры. Особый научный интерес представляют результаты ассоциативного эксперимента, демонстрирующие специфику интерпретации русскоязычными информантами предметно-понятийных, коннотативных, в первую очередь аксиологических, компонентов значения заимствованных единиц, в данном случае китаизмов. Цель исследования – выявить и описать присутствующие в семантике полученных в ходе эксперимента ассоциатов универсальные и национально обусловленные компоненты, которые маркируют фрагмент русской картины мира, связанный с осмыслением в сознании ее представителей культуры Китая. Материалами послужили труды ученых по проблеме лексических заимствований, данные лексикографических источников, а также результаты анкетирования и ассоциативного эксперимента в группе русскоязычных студентов, обучающихся в Томском государственном педагогическом университете. Использовалась методология комплексного исследования, включающая методы теоретического, интроспективного и экспериментального анализа. Результаты эксперимента позволили сделать вывод о роли, месте и содержании фрагментов картины мира русскоязычных информантов, связанных с представлением об истории, культуре и языке Китая, на основании рецепции заимствованных лексических единиц разной тематической направленности. Доказано, что несмотря на присутствие влияния родной лингвокультуры на результаты интерпретации китаизмов носителями русского языка с их стороны наблюдается понимание ядерных предметно-понятийных компонентов значения всех слов-стимулов. Данный факт свидетельствует о наличии в сознании информантов общего представления о самобытной культуре Китая, запечатленной в национальном языке. Выявлено, что степень успешности и полноты интерпретации заимствований обусловлена принадлежностью единицы тому или иному тематическому разряду: наиболее разнообразные и многочисленные реакции получены на слова, обозначающие философские понятия, наименее ограниченный круг реакций имеет общественно-политическая лексика. В целом результаты эксперимента продемонстрировали присут-

© Мэн Л., Курьянович А.В., Цао Ж., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ствие в сознании представителей современной русской лингвокультуры положительных ценностных смыслов, передающих их уважительное и заинтересованное отношение к языку и культуре Китая. Перспективы исследования предполагают дальнейшее изучение русской лингвокультуры с привлечением заимствованных слов из разных языков-источников, а также расширение аудитории реципиентов в зависимости от их статусных показателей.

Ключевые слова: русская лингвокультура, русский язык, межкультурная коммуникация, лексическое заимствование, китаизм, ассоциативный эксперимент

История статьи: поступила в редакцию 16.01.2023; принята к печати 12.04.2023.

Для цитирования: Мэн Л., Курьянович А.В., Цао Ж. Заимствованная лексика как фрагмент русской языковой картины мира в аспекте лингвокультурологического описания // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 406–423. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-406-423>

Введение

Язык как ключевой инструмент существования, сохранения и передачи культурного кода от одного поколения носителей другим выступает мощным средством познания и приобщения к национальной ментальности, поиску основ национальной идентичности: «В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» (Гумбольдт, 1985: 373). Глубинное изучение процессов, проявляющихся как в системе языка, его функционировании, так и на уровне концептуального обобщения отображаемых посредством языковых единиц смыслов, невозможно вне культурного контекста. Сегодня, в эпоху расширения контактов между странами и народами, взаимодействие приобретает характер не только меж-, но и мультинационального. В основе такого понимания коммуникации лежат философские установки, связанные с идеями открытого диалогического общения (Бахтин, 1979), «благодетельного синтеза» взаимодополняющих друг друга разных культур (Перих, 1997), культурно-исторического развития в соотнесенности с теорией онтогенеза личности (Выготский, 2017).

В числе приоритетных и актуальных для современной русистики определяются исследования, направленные на изучение русской языковой картины мира, в том числе с учетом эффектов, возникающих в результате контактирования представителей русской лингвокультуры с носителями других лингвокультур, в данном случае – китайской. Реализация подобного подхода связана с отступлением от принципа этноцентризма (Садохин, 2008), выявлением универсальных паттернов культуры (Wissler, 1960) и свойств, составляющих своеобразие конкретных лингвокультур (Sapir, 1929), отражением в языке фактов мировой и национальной культуры в контексте их взаимовлияния (Тер-Минасова, 2005), проникновения в сознание носителей языка и человеческую ментальность в целом (Маслова, 2018, 2019). Успешно данные задачи решаются в русле лингвокультурологии (Алефиренко, 2006; Красных, 2012), лингвоконцептологии (Бутакова, 2011; Ансимова, 2015; Ван, Курьянович, 2021), дискурсивной (Чернявская, 2017) и кросс-культурной (Проккопеня, 2008; Гусакова, 2010; Wang et al., 2022) лингвистики.

Наблюдающаяся «миграция культур» (Мердок, 2005: 202) находит отражение в каждом национальном языке, в частности, в виде заимствования лексических единиц: наличия каналов и способов их вхождения в национальную лингвокультуру, освоения носителями, использования в коммуникативно-речевой практике. Слова – это не только «данность конкретного языка» (Гусакова, 2010: 3), но и «явление, проходящее через разные культуры и, соответственно, обогащающееся новыми культурными коннотациями» (Там же). Именно лексические заимствования «наиболее ярко несут в себе этнокультурный компонент, характеризующий своеобразие жизни народа и населяемой им территории» (Крысин, 2004: 9). Для носителя принимающего языка культурный компонент заимствованного слова представляет большой интерес (Розова, Александрова, 2010; Янь, 2013): слово может обозначать явление, для которого нет соответствия в родной культуре, а в случае существования эквивалентной пары слова могут кардинально различаться оттенками значения, в первую очередь аксиологическими.

Русский и китайский этносы сопоставимы по занимаемому геополитическому месту на карте мира, богатой истории и культуре, многонациональности и поликонфессиональности. Вместе с этим очевидны различия в национальных обычаях, традициях, системах ценностей, наконец, языках: русский и китайский языки не похожи по структуре, системе письменных средств, интонационному рисунку.

Большинство имеющихся работ посвящено анализу китаизмов с точки зрения принадлежности к определенным тематическим группам (Вэй, Проценкова, 2017), истории вхождения в русский язык (Ши, 2007) и способов адаптации в нем (Ли, 2019). В трудах отдельных исследователей (Чубаева, 2014) китаизмы рассматриваются с позиции реализуемых в русской лингвокультуре культурологической и концептуальной функций, авторы единичных работ анализируют указанную проблематику с опорой на экспериментальные данные (Ян, 2016; Курьянович, Ли, 2018).

Интерпретация китаизмов носителями русской лингвокультуры демонстрирует специфику экзистенции этих заимствований в языке-реципиенте не только и не столько с точки зрения уровня понимания носителями их предметно-понятийного лексического значения. В первую очередь речь идет об изучении определенных фрагментов русской лингвокультуры с позиции вписанности маркируемых китаизмами квантов знания в языковую картину носителей русского языка с учетом совокупности культурных (ценностных, символических) смысловых нюансов. В этом состоит научная новизна данного исследования.

Цель исследования – изучение заимствованных слов-китаизмов в аспекте их восприятия и интерпретации носителями русской лингвокультуры на основе данных ассоциативного эксперимента.

Методы и материалы

В ходе исследования применялись общенаучные (наблюдение, анализ, интерпретация, количественный анализ) и лингвистические методы (лексико-семантический, контекстуальный, анкетирование, ассоциативный эксперимент, элементы лингвокультурологического, лингвоконцептологического анализов).

Материалами исследования послужили:

– труды ученых, посвященные изучению положений теории лексических заимствований, осмысляемых, в том числе, в ракурсе лингвокультурологической проблематики, а также работы, описывающие содержательное наполнение и механизм осуществления ассоциативного эксперимента;

– данные лингвистических (толковых и переводных) словарей русского и китайского языков¹;

– результаты анкетирования и ассоциативного эксперимента, проведенных в учебной группе русскоязычных студентов-бакалавров 5-го курса в количестве 20 человек, обучающихся в Томском государственном педагогическом университете по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Русский язык» и «Литература»)².

Из лексикографических источников посредством свободной выборки извлечены китаизмы, имеющие бесспорную национально-культурную маркированность: *гоминдан, гаолян, гохуа, женьшень, инь-янь, конфуцианство, кунг-фу, лун, маоизм, му, Пекинская опера, тайцзицюань, теин, фэн-шуй, хунвейбины, цзяо, цигун, чай, эрху, юань*. Данные слова выступили в качестве единиц экспериментального исследования.

На первом этапе в рамках анкетирования реципиентам было предложено ответить на вопрос: *Какие китаизмы из предложенного перечня, на ваш взгляд, являются наиболее употребительными в русском языке?* В результате подсчета полученных ответов были отобраны лексемы: *гоминдан, женьшень, инь-янь, конфуцианство, кунг-фу, Пекинская опера, фэн-шуй, хунвейбины, чай, юань*.

Второй этап исследования составил ассоциативный эксперимент. На обозначенные слова-стимулы было получено 180 неповторяющихся реакций. С учетом того, что 63 реакции были зафиксированы неоднократно (из 10 китаизмов только на слово *хунвейбины* поступили однократные реакции), общее число ассоциатов составило 471 единицу – словную и сверхсловную.

Результаты

Основные результаты исследования заключаются в следующем:

– на основании имеющейся лексикографической информации проиллюстрировано наличие в современном русском языке заимствований из китайского языка, эксплицирующих самобытность национальной культуры. Большая часть китаизмов – это пришедшие в результате контактирования жителей пограничных с Китаем территорий, часто – при посредничестве других языков, единицы, называющие разнообразные предметы и явления из всех сторон национальной жизни. В числе показателей адаптации заимствованной единицы в принимающем языке – фиксация ее значения в авто-

¹ Большой китайско-русский словарь. Пекин : Шаньу иньшугуань, 1992. 1250 с.; Краткий русско-китайский и китайско-русский словарь. Пекин : Шаньу Иньшугуань, 1988. 578 с. ; *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов : ок. 25 000 слов и словосочетаний. М. : Русский язык, 2003. 848 с.; Словарь иностранных слов. Изд. 18-е., стереотип. М. : Русский язык, 1989. 634 с.

² Выбор в качестве информантов молодых людей, имеющих достаточный уровень филологической подготовки (при отсутствии знания китайского языка у всех опрошенных), обусловлен установкой на получение наиболее репрезентативной выборки единиц для анализа.

ритетных толковых словарях (*женьшень, гаолян, теин*), способность развивать семантические варианты (*чай, фарфор*). Китаизмы, имеющие меньшую степень освоения в русском языке, могут считаться экзотизмами (*богдыхан, фанза*). Понятия, обозначаемые такими лексемами, определяются в энциклопедических источниках и/или толковых онлайн-словарях (*лун, цигун*);

– показано, что полученные реакции со стороны молодых носителей русского языка на стимулы-китаизмы и качественно-количественный анализ этих реакций демонстрируют активность контактирования русской и китайской лингвокультур в синхронии. На каждый из 10 отобранных стимулов получены реакции, их общее количество – 471, включая 180 неповторяющихся. Информанты продемонстрировали понимание значения всех стимульных китаизмов на высоком уровне семантического соответствия по сравнению с данными в языке-источнике. Отметим, что информантами анализировались все составляющие семантики: предметные, понятийные, прагматические. Например, на стимул *Пекинская опера* получены ассоциаты, подтверждающие понимание информантами предметно-понятийного ядра его значения (*театр, музыка*), отличающиеся национальной маркированностью (*культура Китая*), присутствием в значении оценочных (слова *непонятно*), аксиологически значимых (*искусство, красиво*) сем. Зафиксированы единичные ассоциаты, появление которых определено принадлежностью опрашиваемых к русской лингвокультуре как родной (*наша не хуже*);

– выявлены некоторые закономерности интерпретационной деятельности носителей русского языка, позволяющие сделать выводы об особенностях содержательного и языкового наполнения отдельных фрагментов русской лингвокультуры, связанных с ассоциативным восприятием ее носителями заимствованной лексики из китайского языка на современном этапе функционирования в русском языке. В случае интерпретации наиболее узнаваемых ими слов (здесь лидирует лексика, называющая философские понятия) информанты предлагали широкий ряд реакций с разнообразной палитрой семантических оттенков, в том числе коннотативных (на стимул *конфуцианство* получено 72 реакции, из них 21 – однократная, включая следующие: *религия, учение, течение, мировоззрение, вера, братство, гармония, справедливость, заповеди* и пр.). Китаизмы, знакомые информантам в меньшей степени (общественно-политическая и экономическая лексика), сопровождалась и меньшим количеством ассоциатов, в их значении преобладали семы предметно-понятийного характера. Так, на стимул *гоминдан* получено 9 реакций, из них 6 неповторяющихся, в значении ассоциатов присутствует ядерная сема «политическая партия Китая». Носители русского языка в целом продемонстрировали интерес и уважительное отношение к китайской лингвокультуре.

Обсуждение

Китаизмы в современном русском языке: общая характеристика

Усиленный прирост китайских заимствований в русский язык наблюдался в 2007 г., который был официально объявлен главами государств годом Китая в России. Количество китаизмов в русском языке относительно невелико: исследователи насчитывают около 100 единиц (Чжу, Тянь, 2003). Не-

малую их часть, судя по словарным источникам, составляют опосредованные заимствования, вошедшие в русский язык через другие языки, например через английский – *соя* (бобовое растение), *кетчуп* (соус из томатов), *тайфун* (сильный ветер) и французский – *сатин* (ткань с глянцевой поверхностью), а также через тюркские языки – *Китай* (Чжун го = Поднебесная, Срединная страна). Можно предположить, что путем устного контактирования носителей русского и китайского языков в приграничных районах в силу имеющихся торговых отношений были непосредственно заимствованы китаизмы *байховый* (о чае: рассыпной), *джонка* (тип парусного судна), *кан* (лежанка возле печки), *нанка* (ткань из толстой хлопчатобумажной ткани), *ушу* (вид боевого искусства), *фанза* (каркасно-столбовое строение), *хунхуз* (член вооруженной банды), *ханжа* и *ханшин* (китайская хлебная водка), *чесуча* (плотная ткань), *лян* (единица массы), *макао* (вид карточной игры) и пр. Книжным путем вошли в русский язык, такие китаизмы, как *дацзыбао* (настенный рукописный плакат), *мандарин* (крупный чиновник), *тайпин* (участник крестьянской войны 1850–1860-х гг.), *цы* (жанр лирики) и пр.

Китаизмы, как правило, обозначают бытовые предметы (*каолин* – белая глина высокого качества, *куайцзы* – палочки для еды), китайские деньги (*фынь* – мелкая разменная монета), меры веса и площади (*ли* – мера длины), культурно-исторические факты (*Великая китайская стена* – крепостная стена в северном Китае, построенная в III в. до н. э., *Тяньаньмэнь* – главная площадь Пекина, самая большая в мире), факты из области искусства (*ши* – стихотворный жанр, *шэн* – музыкальный инструмент, *янгэ* – национальный танец), общественно-политической жизни (*богдыхан* – китайский император, *бонза* – чиновник, *кули* – чернорабочий), окружающего мира (*пекинес* и *чау-чау* – породы собак, *мэй* – цветущее в холодную погоду дерево, *личжи* – южный фрукт).

В подавляющем большинстве китаизмы однозначны, полисемичных слов единицы (*чай*, *шелк*, *фарфор*, *лун*). Например, лексема *чай* имеет 5 лексико-семантических значений, одинаково активных в коммуникативной практике членов русскоязычного социума: «1. Культивируемое вечнозеленое растение, высушенные и особо обработанные листья которого при заварке дают ароматный тонизирующий напиток. 2. Высушенные измельченные и специально обработанные листья такого растения. 3. Напиток, настоянный на таких листьях. 4. Настой из заваренных сушеных листьев или плодов какого-нибудь растения, ягод. 5. То же, что чаепитие»³.

Часть китаизмов до сих пор считаются экзотизмами: *богдыхан*, *лян*, *фанза*. С целью придания национального колорита китаизмы встречаются в русских художественных текстах. Приведем фрагмент из рассказа Анатолия Наймана «Убить _ ^ _ _ ^ _ _ ^ _ 'а»: «Я смотрел на „Портрет со стихами“ и бормотал: фу-ши-сао-цы-сун-лэй-сюй. Когда она писала его, то заставляла меня учить названия жанров китайской поэзии. Одно в день. Фу – стихи в прозе, с рифмой и без. Ши – с фиксированными размерами. Сао – стихи причудливых форм. Цы – песенного типа. Сун – лапидарные оды. Лэй –

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 2007. 944 с.

плач по покойному. Сюй – предисловие к стихам и одам. Она говорила, что знает еще два, но кончила портрет на седьмом сеансе. Она говорила: это как до-ре-ми-фа- соль-ля-си. Фу-ши-сао-цы-сун-лэй-сюй»⁴. Все семь китайских слов, по мнению автора, неизвестны широкому кругу русских читателей, поэтому автор сопровождает их употребление в тексте разъяснениями.

Отобранные из словарей для проведения экспериментального исследования заимствованные единицы отличаются эксплицированием в словарных источниках маркеров национальной принадлежности в виде историко-культурных комментариев:

– *гоминдан*: реакционная националистическая помещичья буржуазная партия в Китае, власть которой свергнута народной революцией в 1949 г.⁵;

– *хунвейбины*: молодежные отряды, сформированные в Китае в 1966 г. для проведения так наз. культурной революции («красная охрана», «красная гвардия»), были автономны и действовали в соответствии с собственным пониманием марксизма и в соответствии с общими указаниями Мао⁶;

– *гаолян*: хлебный злак рода сорго, популярный в Китае; из зерна получают крупу и муку, сырье для китайской водки; в качестве корма для скота используют гаоляновые силос и сено⁷;

– *женьшень*: травянистое растение, используемое в медицинских целях⁸; заимствовано в XIX веке из китайского языка, производное от *жень* «человек»: растение названо на основании сходства формы корня с образом человека⁹;

– *маоизм*: идейная и политическая система, созданная Мао Цзэдуном¹⁰;

– *цзяо*: разменная монета Китая, равная 1/10 юаня или 10 фыней¹¹;

– *юань*: денежная единица в современном Китае¹²;

– *му*: единица измерения земельных площадей в Китае, равная приблизительно 0,06 га¹³;

– *теин*: вещество, похожее на *кофеин*¹⁴;

– *гохуа*: традиционная китайская живопись¹⁵;

– *кунг-фу*: в Китае: вид самообороны¹⁶.

⁴ *Найман А.Г.* Убить ^ _ ^ _ ^ 'а : книга рассказов : [литература и бессонница]. М. : АСТ : АСТРЕЛЬ, 2009. 380 с. URL : <https://magazines.gorky.media/october/2007/10/ubit-8217-a.html?ysclid=ldam9n5xqn772110733> (дата обращения : 25.01.2023).

⁵ Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. Том 3. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965. С. 251.

⁶ *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов : ок. 25000 слов и словосочетаний. М. : Русский язык, 2003. С. 778.

⁷ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 126.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Этимологический словарь русского языка. URL : <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/1229-женьшень?ysclid=ldb7yp6i8a535077702> (дата обращения : 25.01.2023).

¹⁰ *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов... С. 415.

¹¹ Там же. С. 782.

¹² Там же. С. 844.

¹³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. С. 1333.

¹⁴ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL : <https://efremova.slovaronline.com/107533-TEIN> (дата обращения : 25.01.2023).

¹⁵ Большой Российский энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 387.

¹⁶ Большой современный толковый словарь русского языка. 2012. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/44997.html?ysclid=ldbpya4vok244149924> (дата обращения : 25.01.2023).

Половина слов из списка для анкетирования не имеют фиксации в традиционных лингвистических словарях. Интерпретация понятий, обозначенных данными словами, содержится либо в энциклопедических источниках, либо лингвистических (толковых, этимологических, переводных) онлайн-словарях. Например:

- *лун*: в китайской мифологии дракон, повелитель водной стихии, облаков, погоды¹⁷;
- *инь-янь*: в китайской философии: две взаимосвязанные противоположности¹⁸;
- *конфуцианство*: система нравственно-философских взглядов, разработанная в V в. до н. э. китайским мыслителем Конфуцием¹⁹;
- *фэн-шуй*: организация пространства на основе использования благоприятной для человека энергии²⁰;
- *эрху*: китайский смычковый двухструнный музыкальный инструмент²¹;
- *Пекинская опера*: наиболее известная разновидность синтетического сценического искусства традиционного Китая, на гос. уровне признанная «национальным достоянием»²²;
- *тайцзицюань*: китайская гимнастика, то же, что *ушу*²³;
- *цигун*: одна из лечебно-профилактических оздоровительных гимнастик, применяемая в народной медицине Китая²⁴.

Результаты ассоциативного эксперимента

Приведем результаты ассоциативного эксперимента. Для каждого слова-стимула дается описание, включающее данные об общем количестве ассоциатов, в том числе число неповторяющихся реакций. Слова-стимулы расположены по степени увеличения количества однократных реакций на них.

На слово-стимул *юань* зафиксировано 22 реакции, из них 5 неповторяющиеся (*мелкие, Китай, Солнце, монеты, деньги*). В ответах двух информантов встретилась реакция *Солнце*. В 8 случаях фигурирует ассоциат *монеты*, в 10 – *деньги*.

На слово-стимул *гоминдан* поступило 9 реакций, из них 6 однократных (*политический режим, история, революция, движение, партия Китая, Тайвань*). Лексема *Тайвань* фигурирует в ответах трех реципиентов, сверхсловная единица *партия Китая* – двух реципиентов.

¹⁷ Энциклопедический словарь. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения : 25.01.2023).

¹⁸ Большой Российский энциклопедический словарь. С. 585.

¹⁹ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка...

²⁰ Энциклопедический словарь. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения : 25.01.2023).

²¹ Музыкальная энциклопедия. URL : <https://rus-music-enc.slovaronline.com/8866-Эрху> (дата обращения : 25.01.2023).

²² Энциклопедия Synologia.Ru. URL : https://www.synologia.ru/a/Пекинская_опера?ysclid=ldbprlqmtb272265445 (дата обращения : 25.01.2023).

²³ Русско-китайский онлайн-словарь. URL : <https://rus-ch-dict.slovaronline.com/95528-тайцзицюань> (дата обращения : 25.01.2023).

²⁴ Там же.

На слово-стимул **хунвейбины** получено 7 неповторяющихся реакций (*жители Китая, люди, безумные, история, глупые, маленькие, последователь*).

На стимульную единицу **инь-янь** реципиенты представили 12 однократных реакций (*популярная эмблема в виде круга, гармония, истина, противоположность, слабое – сильное, черное – белое, добро – зло, фэн-шуй, темно – светло, два начала, мужчина – женщина*). Всего поступило 38 ответов. В числе частотных отмечены единицы: *черное – белое, добро – зло, фэн-шуй* (каждое зафиксировано дважды), *темно – светло* (в ответах трех информантов), *два начала* (отмечено 6 раз), *мужчина – женщина* (15 случаев словоупотребления).

На слово-стимул **кунг-фу** информанты дали всего 45 ответов, из них 13 – однократные: *монах, Шао-линь, шаолиньский, ловкость, особое искусство, каратэ, вид спорта, джиу (дзюдо), бой, боевое искусство, единоборство, Джэки Чан, борьба*. Максимальное число употреблений – 15 – у слова *борьба*. Имя собственное *Джэки Чан* отмечается в качестве реактивного в ответах шести человек. Пять информантов представили ассоциат *единоборство*, четверо отметили сверхсловную единицу *боевое искусство*, трое – слово *бой*. Дважды в перечне ассоциатов фигурируют лексемы *особое искусство, каратэ, вид спорта, джиу (дзюдо)*.

На слово-стимул **женьшень** реципиенты представили 89 реакций, из них 20 однократных (*корень жизни, лекарственное средство, настойка, куст, отвар, Дальний восток, дерево, земля, лес, мелкое тонкое древо, корень лечебного и полезного растения, Китай, польза, долголетие, здоровье, лечение, цветок, лекарство, растение, трава*). Двадцать человек увидели ассоциативную связь слов *женьшень* и *трава*. В 17 ответах встречается лексема *растение*, в 10 – *лекарство*, в 8 – *цветок*, в 7 – *лечение*, в 6 – *здоровье*. Четыре информанта предложили вариант *долголетие*. Трижды в перечне ассоциатов отмечено слово *польза*. По два раза каждая из единиц – *корень лечебного и полезного растения, Китай*.

На слово-стимул **конфуцианство** зафиксировано 72 реакции, из них 21 однократная. Перечень неповторяющихся реакций следующий: *Восток, мировоззрение и жизнь, заповеди, течение, вероисповедание, движение, братство, история, древность, объединение, справедливость, преклонение, гармония, вера, буддизм, направление, учение, религия, Китай, философия, Конфуций*. Имена собственные *Конфуций* и *Китай* фигурируют в ответах пятнадцати и десяти информантов соответственно. Ассоциат *философия* отмечен 14 раз, *учение, религия* – по 6 раз каждый. Четыре человека написали о конфуцианстве как *направлении*, по два информанта выбрали варианты *вера* и *буддизм*.

На слово-стимул **Пекинская опера** получено 25 неповторяющихся из 48 реакций: *в Пекине, веера, искусство, опера с национальной культурой Китая, петь, красиво, выступление, маски, наша не хуже, гимнастика, краски, грим, культура, макияж, слов не понятно, стагнация, утка, носки, танцы, китайские костюмы, Китай, песни, опера, музыка, театр*. Наибольшее число раз – 8 – информанты употребили в ответах лексему *театр*. В сознании шестерых возникло слово *музыка*, у пятерых – *опера*. Содержали вари-

ант *песни* четыре ответа. Ассоциат *Китай* отмечен трижды. По два раза фигурирует каждая из единиц *танцы, китайские костюмы*.

На слово-стимул **фэн-шуй** информанты отреагировали 48 раз. Не повторяются 26 реакций. В их числе: *модное увлечение современных людей, стороны света, традиция, мебель, деньги, надо жить правильно, благосостояние, образ жизни, расположение предмета, здоровье, окружающая обстановка, рассмотрение, суеверие, инь-янь, квартира, счастье, нож в форточке, голова за дверью, философия бытия человека, учение об устройстве дома, интерьер, Китай, книги, гармония, ветер – вода*. В семи случаях повторяются ассоциаты *гармония, ветер – вода*. Слово *книги* повторяется пять раз, по три раза – лексемы *интерьер, Китай*. В ответах двух респондентов присутствуют сверхсловные единицы *философия бытия человека* и *учение об устройстве дома*.

На слово-стимул **чай** получено 93 реакции, из них 45 – однократные: *вкусный, горячий, без сахара, вприкуску, листья, травяной, вода, отдых, беседа, заварка, жидкость, конфеты, бублики, в пакетиках, кухня, каркаде, лимон, здоровье, настоящий китайский в России редко встретишь, пироги, с жасмином, с молоком, коричневый, с медом, лепесток, разговор, помойка, разнообразие, с бергамотом, тепло, фито-чай, третье блюдо, целебный, Улунский, сахар, самовар, церемония, чаепитие, ароматный, крепкий, Китай, черный, напиток, зеленый*. Для шестнадцати человек очевидна ассоциативная связь лексем *чай* и *зеленый*. В девяти случаях *чай* – это *напиток*. В ответах семи информантов *чай* атрибутируется как *черный*, в ответах пяти – как *крепкий*. Ассоциат *Китай* фигурирует также пять раз. Четверо опрошиваемых предложили варианты *чаепитие, ароматный, трое – церемония, двое – сахар, самовар*.

Общее количество неповторяющихся реакций – 180.

Общее количество реакций – 471.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента

Полученные результаты демонстрируют своеобразие в ассоциативном осмыслении носителями русской лингвокультуры слов, представляющих в их сознании культуру Китая.

Считаем, что полученные реакции целесообразно оценить с позиций соответствия критериям «успешности» (степени соответствия значению в языке-источнике), «количественности» (общего числа, а также числа однократных и повторяющихся ассоциатов), «качественности» (характера семантических признаков, обуславливающих появление той или иной вербальной реакции).

Анализируя имеющиеся вербальные реакции, отметим, что на все представленные стимулы ответы были получены. Следовательно, результаты ассоциативного эксперимента можно оценить как успешные. Это весьма важный вывод при условии, что информантам язык-источник назван не был.

На слова *гоминдан* и *хунвейбины* поступило реакций в значительной степени меньше (9 и 7 соответственно), чем количество участвующих в эксперименте (20 человек). При этом все ассоциаты в той или иной степени демонстрируют ассоциативно-семантическую сопряженность со значениями, закрепленными в языке-источнике, что свидетельствует о том, что предста-

вителям русской молодежной субкультуры (возраст от 22 до 28 лет) обозначенные в качестве стимульных китаизмы знакомы. В качестве условного ориентира при выборе «знакомых» слов из списка, включающего 20 единиц, на первом этапе эксперимента в анкете предлагались утверждения-помощники: «1. Я знаю значение данного слова. 2. Я слышал данное слово от других. 3. Я сам использовал данное слово в своей речи» (Курьянович, Ли, 2018: 155).

Значение большинства ассоциатов соотносится со смыслами, входящими в содержательную структуру слов-стимулов в языке-источнике, прежде всего посредством корреляции архисем. Например, сопоставимы ответы русскоязычных информантов *юань* – «деньги», *женьшень* – «трава», *конфуцианство* – «философия» и ключевые семы в значении этих китайских слов, присутствующие в словарных дефинициях: «денежная единица», «травянистое растение», «система философских взглядов». Можно сделать вывод, что во всех случаях информанты демонстрируют понимание смыслового ядра в значении каждого слова.

В группах реакций на большинство стимулов обязательно присутствуют маркеры принадлежности слова системе национального языка: ассоциат *Китай* фигурирует в перечне реакций на 8 слов-стимулов из 10 и упоминается информантами 28 раз. Данная единица отсутствует в списке реакций на стимулы *инь-янь* и *кунг-фу*, видимо, по причине выхода понятий, обозначенных этими словами, далеко за пределы Китая и широкой включенности в другие культуры. В числе других маркеров принадлежности к Китаю в ответах информантов встречаются такие имена собственные, как *Тайвань*, *Джекки Чан*, *Шао-линь*, *Дальний Восток*, *Конфуций*, *Восток*, *Пекин/в Пекине*, а также атрибутивы *шаолиньский*, *Улунский (чай)*, *китайские (костюмы)*. Показательны в этом отношении ассоциаты – сверхсловные синтагмы: *опера с национальной культурой Китая*, *настоящий китайский в России редко встретишь*.

Внутри перечня из 10 слов-стимулов можно выделить следующие тематические группы единиц: общественно-политическую лексику (*гоминдан*, *хунвейбины*), лексику, называющую философские (*инь-янь*, *конфуцианство*, *фэн-шуй*) и экономические (*юань*) понятия, номинации растений (*женьшень*, *чай*), видов спорта (*кунг-фу*) и искусства (*Пекинская опера*).

Анализ количественного среза экспериментальных данных демонстрирует закономерность: количество реакций и их лексико-семантическое разнообразие в значительной степени определяются относимостью стимульного слова к определенной тематической группе. Так, на 2 единицы общественно-политической лексики получено всего 16 реакций. Предположим, что опрошиваемые в меньшей степени знают историю государственности Китая: ассоциат *история* присутствует в числе реакций на оба слова, принадлежащих группе общественно-политической лексики; *гоминдан* ассоциируется с *партией*, *политическим режимом*, *движением*, *революцией*; *хунвейбины* названы *последователями*, правда, не уточняется, чьими. В значении ассоциатов обеих анализируемых групп доминируют предметно-понятийные компоненты, из 13 реактивных словоупотреблений только 3 являются оценочными (*безумный*, *глупый*, *маленькие* – ассоциаты на слово *хунвейбины*). Информанты, вероятно, знакомые с фактами из истории Китая поверхностно, за-

труднились с ответами, особенно в части того, чтобы посредством ассоциатов выразить собственную оценку понятиям, обозначенным с помощью рассматриваемых заимствований.

Ассоциаты группы «Предметы окружающего мира» также в отдельных случаях демонстрируют отсутствие в картине мира русскоязычных носителей истинного знания. Так, слово *женьшень* знакомо живущим в России, при этом, судя по реакциям (*дерево, цветок, мелкое тонкое дерево*), не все носители русской лингвокультуры правильно представляют себе внешний вид растения.

Самые интересные данные получены в результате интерпретации заимствований, обозначающих философские понятия (общее количество реакций 158 на 3 слова-стимула). Китай – страна с богатейшей культурой, многие проявления которой сегодня стали достоянием всей цивилизации. Разнообразные философские течения, зародившись в Китае, известны далеко за его пределами. С содержанием учений разных мыслителей знакомятся в образовательных учреждениях (и не только в них) во всем мире, включая Россию. Интерес к китайской философии в России огромен. Этим можно объяснить разнообразие и большое количество поступивших реакций на стимулы *инь-янь, конфуцианство, фэн-шуй*. Для носителей русской лингвокультуры в китайской философии ценной является установка на следование нравственным ценностям, в связи с чем в перечне ассоциатов присутствуют единицы, в лексическом значении которых актуальными являются коннотативные семы, подчеркивающие аксиологическую значимость свойства или понятия, например: *гармония, истина, добро – зло* (стимул *инь-янь*), *вера, братство, справедливость* (стимул *конфуцианство*), *здоровье, счастье, благосостояние* (стимул *фэн-шуй*). Примечательно, что для всех 3 слов-стимулов тематической группы «Философские понятия» информанты предложили слово-реакцию *гармония* (всего 9 употреблений). Предположим, что для сознания молодого русского человека сегодня основой экзистенциальной мудрости (в качестве синонимов этому понятию можно рассматривать предложенные ассоциации *философия бытия человека, образ жизни, мировоззрение*) является ощущение «согласованности, стройности в сочетании чего-н.»²⁵.

Особого упоминания заслуживают сверхсловные реактивные единицы, в основе которых лежит осмысление фактов китайской лингвокультуры сквозь призму собственной национальной идентичности: *наша не хуже* (стимул *Пекинская опера*) и *настоящий китайский в России редко встретишь* (стимул *чай*). Отметим также присутствие в общем списке ассоциатов тех, возникновение которых обусловлено влиянием родной картины мира в воспринимающем сознании реципиентов, например: *самовар, булочки, в пакетиках, кухня, третье блюдо* (стимул *чай*). Структурно-семантическую модель «чай с чем-то» (*с сахаром/без сахара, с булками, лимоном, молоком, медом, конфетами, пирогами*) можно обозначить как функционирующую в русской лингвокультуре: общеизвестно, что китайцы ценят чай как напиток без всяких примесей и добавок. Слова-реакции *отдых, беседа, разговор* свидетельствуют об особом отношении русских к чаепитию как ситуации душевного

²⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 126.

общения между близкими людьми. Возможно, именно поэтому лексема *чай* в русской культуре многими носителями маркируется как «своя», исконная.

Интересны выводы относительно присутствия аксиологического компонента фрагмента русской лингвокультуры, связанного с осмыслением в сознании представителей образа Китая в совокупности его культурно-исторических характеристик. Молодые носители русского языка демонстрируют толерантное отношение к китайской лингвокультуре, на фоне которого прослеживается устойчивая тенденция к положительной оценке образа Китая в их сознании. Об этом свидетельствуют количественные подсчеты. Число ассоциатов, в значении которых преобладает предметно-понятийный компонент и не актуализируется коннотативный (*монеты, вид спорта, растение, гимнастика, книги*), насчитывает порядка 100 неповторяющихся единиц, что составляет около 56 % от общего количества полученных однократных реакций. Число ассоциатов, в значении которых доминируют положительные коннотативные оттенки (*надо жить правильно, ловкость, долголетие, польза, красиво, вкусный, модное увлечение современных людей*), составляет около 70 словоупотреблений (примерно 40 %). Порядка 5 реакций – *суеверие, безумный, глупый, по-мойка, слов не понятно* – характеризуются присутствием в значении негативно оценочных сем (приблизительно 3 % от общего количества однократных ассоциатов). Слова-реакции *преклонение* и *стагнация* можно причислить к единицам с амбивалентной аксиологической коннотацией (около 1 % от общего количества неповторяющихся слов-реакций).

Можно заключить, что слова, заимствованные в русскую лингвокультуру из китайского языка, отличаются национальным колоритом, который особым образом воспринимается носителями русской лингвокультуры.

Заключение

Заимствование слов – результат межнационального и межкультурного контактирования. Исследование функционирования заимствований с точки зрения восприятия представителями принимающей лингвокультуры позволяет, с одной стороны, соприкоснуться с особенностями иной национальной культуры, с другой – расширить границы понимания русской картины мира.

Рассмотрение лексических заимствований в аспекте их культурологического и концептологического описания, то есть вписанности в иную парадигму ценностей, в систему другого языка, ментальный контекст и речемыслительный процесс носителей этого языка, имеет бесспорные перспективы как в выборе языка-источника, так и определении аспекта содержательной характеристики сквозь призму воспринимающего сознания представителей принимающей лингвокультуры.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 36–44.
- Ансимова О.К.* Языковая способность : теоретические основы изучения // Наука и образование : современные тренды. 2015. № 2 (8). С. 7–29.

- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.
- Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка : монография. М. : Флинта, 2011. 160 с.
- Ван С., Курьянович А.В. Русский молодежный жаргон в аспекте интерпретации вторичной языковой личностью : монография. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2021. 200 с.
- Выготский Л.С. Психология искусства. М. : РИПОЛ-классик, 2017. 480 с.
- Вэй Ю., Проценкова Н.В. Особенности заимствований из китайского языка в русской лексической системе // Россия и Китай : история и перспективы сотрудничества : материалы VII Международной научно-практической конференции. Благовещенск : Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2017. С. 577–580.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
- Гусакова Ю.О. Кросскультурный анализ французских заимствований (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 22 с.
- Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура : их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Серия : Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–74.
- Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Курьянович А.В., Ли С. О специфике ассоциативного восприятия китаизмов носителями русского и китайского языков (на основе экспериментальных данных) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международной научной конференции : в 2 томах. Том 1. Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2018. С. 154–158.
- Ли С. Особенности адаптации китаизмов, обозначающих культурно-бытовые реалии, в русском языке // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 5–6. С. 89–104.
- Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранный языки и методика их исследования. 2018. Т. 16. № 2. С. 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
- Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира : лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184–197. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197>
- Мердок Дж.П. Общий знаменатель культур // Культурология : дайджест. 2005. № 1 (32). С. 202–226.
- Прокопья Г.В. Генезис кросс-культурного подхода в исследовании культур : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 27 с.
- Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М. : Международный центр Рерихов, 1997. 200 с.
- Розова О.Г., Александрова Е.А. К вопросу о лексическом заимствовании как лингвокультурном явлении // Слово есть Дело : юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И.П. Лысаковой : в 2 томах. Том 1. СПб. : Сударыня, 2010. С. 277–281.
- Садохин А.П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации (опыт системного анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 156–166.

- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : МГУ, 2005. 264 с.
- Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 135–148.
- Чжу Ш., Тянь С.* Русские слова в китайском языке // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русский язык и русская речь сегодня : старое – новое – заимствованное / под ред. К.А. Роговой, Н.Ю. Рогожиной, Е.Е. Юрковой. СПб. : Политехника, 2003. С. 203–206.
- Чубаева Л.В.* Китаизмы сквозь призму языковой картины мира // На перекрестках филологических дорог : сборник статей. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2014. С. 250–254.
- Ши С.* «Хунхузы» и «хунвэйбины» : история двух китаизмов в русском языке // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 5 (18). С. 153–157.
- Ян С.* Концепт китаизма «фэн-шуй» в сознании носителей русского языка (на материале психолингвистических экспериментов) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 144–152.
- Янь Ц.* Формирование лингвокультурологической компетенции китайских студентов на материале русской лексики, вошедшей в китайский язык : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 249 с.
- Sapir E.* The status of linguistics as a science // *Language*. 2011. Vol. 5. No. 4. Pp. 207–214.
- Wang X., Meng L., Li X., Kuryanovich A.V.* Cross-cultural research as a methodological resource of modern linguodidactics // *Education & Pedagogy Journal*. 2022. No. 2 (4). Pp. 98–113. <https://doi.org/10.23951/2782-2575-2022-2-98-113>
- Wissler C.* Man and culture. London : Routledge & Kegan Paul, 1960. 285 p.

Сведения об авторах:

Мэн Линся, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института восточных языков, Муданьцзянский педагогический университет, Китайская Народная Республика, 157011, Муданьцзян, ул. Вэньхуа, д. 191. *Сфера научных интересов:* современный русский язык, лингвокультурология, методика обучения русскому языку как иностранному. ORCID: 0000-0002-2166-5971. E-mail: mdjmlx@163.com

Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор, Цзилиньский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика, 130117, Чанчунь, ул. Цзин Юэ, д. 3658; заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 634061, Томск, ул. Киевская, д. 60. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвистическая дискурсология, методика обучения русскому языку. ORCID: 0000-0002-3247-3975. E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Цао Жань, ассистент, Цзилиньский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика, 130117, Чанчунь, ул. Цзин Юэ, д. 3658. *Сфера научных интересов:* современный русский язык, лингвокультурология и межкультурная коммуникация, лингводидактика. ORCID: 0000-0002-2302-4270. E-mail: inna.ran@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-406-423

EDN: GBGUYS

Research article

Borrowed vocabulary as a fragment of the Russian language picture of the world: linguoculturological description

Lingxia Meng¹, Anna V. Kurjanovich^{2,3}, Ran Cao³

¹*Mudanjiang Pedagogical University, Mudanjiang, People's Republic of China*

²*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

³*Jilin University of Foreign Studies, Changchun, People's Republic of China*

 kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need for further study of the modern Russian language picture of the world, including by considering borrowed lexical units that explicate the conceptual meanings in the minds of Russian speakers precepting their own national culture. Of particular scientific interest are the results of the associative experiment, which demonstrate the specifics of Russian-speaking informants' interpretation of subject-conceptual, connotative, primarily axiological, components of the borrowed units meaning, in our case, Sinicisms. The purpose of the study is to identify and describe the universal and nationally determined components in the semantics of the associates obtained during the experiment, which mark a fragment of the Russian picture of the world associated with understanding Chinese culture. The materials included the works of scientists on the problem of lexical borrowings, data from lexicographic sources, as well as the results of a survey and an associative experiment in a group of Russian-speaking students studying at Tomsk State Pedagogical University. A comprehensive research methodology was used, including methods of theoretical, introspective and experimental analysis. The results of the experiment made it possible to draw a conclusion about the role, place and content of fragments of the worldview of Russian-speaking informants related to the idea of the history, culture and language of China and based on the reception of different thematic borrowed lexical units. The authors proved that, despite the influence of the native linguistic culture on interpreting Sinicisms by Russian language native speakers, they understand the core subject-conceptual components of the meaning of all stimulus words. This fact testifies to the presence of a general idea on the original Chinese culture, imprinted in the national language and in the minds of the informants. We revealed that the degree of success and completeness of interpreting the borrowings depends on a certain thematic category of the unit: the most diverse and numerous reactions were received to words denoting philosophical concepts, the socio-political vocabulary has the least limited range of reactions. In general, the results of the experiment demonstrated the positive value meanings conveying respect and interest to Chinese language and culture in the minds of the representatives of modern Russian linguistic culture. The prospects of the research involve further study of Russian linguistic culture involving borrowed words from different source languages, as well as expanding the audience of recipients depending on their status indicators.

Keywords: Russian linguistic culture, Russian language, intercultural communication, lexical borrowing, Sinicism, associative experiment

Article history: received 16.01.2023; accepted 12.04.2023.

For citation: Meng, L., Kurjanovich, A.V., & Cao R. (2023). Borrowed vocabulary as a fragment of the Russian language picture of the world: Linguoculturological description. *Russian Language Studies*, 21(4), 406–423. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-406-423>

References

- Alefirenko, N.F. (2006). Cognitive-semiological aspects of linguoculturology. *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 36–44. (In Russ.)
- Ansimova, O.K. (2015). Language ability: Theoretical foundations of learning. *Nauka i Obrazovanie: Sovremennye Trendy*, (2), 7–29. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1979). To the methodology of the humanities. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Butakova, L.O. (2011). *Dynamics of development of language ability and speech competence of Russian speakers*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Chernyavskaya, V.E. (2017). Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Tomsk State University Journal of Philology*, (50), 135–148. (In Russ.)
- Chubaeva, L.V. (2014). Sinisms through the prism of the language picture of the world. *At the Crossroads of Philological Roads: Collection of Articles* (pp. 250–254). Vladivostok: FEFU Publ. (In Russ.)
- Gusakova, Yu.O. (2010). *Cross-cultural analysis of French borrowings (based on the Russian language)*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Belgorod. (In Russ.)
- Humboldt, V. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2012). Culture, cultural memory and linguistic culture: their main functions and role in cultural identification. *Vestnik TsMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, (3), 67–74. (In Russ.)
- Krysin, L.P. (2004). *Russian word, own and alien: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Kuryanovich, A.V., & Li, X. (2018). On the specifics of the associative perception of Sinicisms by native speakers of Russian and Chinese (based on experimental data). *Word, Statement, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects: Proceedings of IX International Scientific Conference*, (1), 154–158. Chelyabinsk: ChelSU Publ. (In Russ.)
- Li, S. (2019). Features of the adaptation of sinisms denoting cultural and everyday realities in Russian. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 161(5–6), 89–104. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018). The main trends and principles of modern linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16(2), 172–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
- Maslova, V.A. (2019). The role of the Russian language in the conceptualization of the world: Linguistic and cultural aspect. *Russian Language Studies*, 17(2), 184–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197>
- Murdoch, J.P. (2005). Common denominator of cultures. *Culturology: Digest*, (1), 202–226. (In Russ.)
- Prokopenya, G.V. (2008). *The genesis of the cross-cultural approach in the study of cultures*. [Author's abstr. cand. ped. diss.]. St. Petersburg. (In Russ.)
- Roerich, N.K. (1997). *Culture and civilization*. Moscow: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov Publ. (In Russ.)
- Rozova, O.G., & Aleksandrova, E.A. (2010). On the issue of lexical borrowing as a linguo-cultural phenomenon. *Word is Deed: Anniversary Collection of Scientific Papers in Honor of Professor I.P. Lysakova*, (1), 277–281. St. Petersburg: Sudarynya Publ. (In Russ.)
- Sadokhin, A.P. (2008). Intercultural competence and competence in modern communication (the experience of system analysis). *Social Sciences and Contemporary World*, (3), 156–166. (In Russ.)

- Sapir, E. (2011). The status of linguistics as a science. *Language*, 5(4), 207–214.
- Shi, S. (2007). “Honghuzi” and “Hongweibing”: The History of two Sinicisms in Russian. *Sovremennye Gumanitarnye Issledovaniya*, (5), 153–157. (In Russ.)
- Ter-Minasova, S.G. (2005). *Language and intercultural communication*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Van, S., & Kuryanovich, A.V. (2021). *Russian youth jargon in the aspect of interpretation by a secondary linguistic personality*. Tomsk: Tomskii TsNTI Publ. (In Russ.)
- Vygotsky, L.S. (2017). *Psychology of art*. Moscow: RIPOL-klassik Publ. (In Russ.)
- Wang, X., Meng, L., Li, X., & Kuryanovich, A.V. (2022). Cross-cultural research as a methodological resource of modern linguodidactics. *Education & Pedagogy Journal*, (2), 98–113.
- Wei, Yu., & Proshchenkova, N.V. (2017). Features of borrowings from Chinese in the Russian lexical system. *Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proceedings of the VII International Scientific-Practical Conference* (pp. 577–580). Blagoveshchensk: BGPU Publ. (In Russ.)
- Wissler, C. (1960). *Man and culture*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Yan, Ts. (2013). *Formation of linguoculturological competence of Chinese students on the basis of Russian vocabulary included in the Chinese language*. (Candidate dissertation, St. Petersburg). (In Russ.)
- Yang, S. (2016). The concept of sinism “feng shui” in the minds of native speakers of the Russian language (based on psycholinguistic experiments). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, (4), 144–152. (In Russ.)
- Zhu, Sh., & Tian, S. (2003). Russian words in Chinese. *Russian Word in World Culture: Proceedings of X Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. Russian Language and Russian Speech Today: Old – New – Borrowed* (pp. 203–206). St. Petersburg: Politekhnik Publ. (In Russ.)

Bio notes:

Lingxia Meng, Doctor of Philology, Professor, Deputy Director of the Institute of Oriental Languages, Mudanjiang Pedagogical University, 191 Wenhua St, Mudanjiang, 157011, People's Republic of China. *Research interests*: modern Russian language, cultural linguistics, methods of teaching Russian as a foreign language. ORCID: 0000-0002-2166-5971. E-mail: mdjmlx@163.com

Anna V. Kuryanovich, Doctor of Philology, Professor, Honorary Professor, Jilin University of Foreign Studies, 3658 Jing Yue St, Changchun, 130117, People's Republic of China; Head of the Department of Theory of Language and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, 60 Kievskaya St, Tomsk, 634061, Russian Federation. *Research interests*: cultural linguistic, linguistic conceptology, linguistic discourse studies, methods of teaching the Russian language. ORCID: 0000-0002-3247-3975. E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Ran Cao, assistant, Jilin University of Foreign Studies, 3658 Jing Yue St, Changchun, 130117, People's Republic of China. *Research interests*: modern Russian language, cultural linguistics and intercultural communication, linguodidactics. ORCID: 0000-0002-2302-4270. E-mail: inna.ran@yandex.ru